

Эривань.

Девятаго декабря вечеромъ я покинулъ Тифлисъ, выѣхалъ на Эривань по направленію къ Баязету. Я не зналъ, какъ я туда проѣду въ обстановкѣ войны, и это дѣлало мое путешествіе неувѣреннымъ и тревожнымъ.

По расписанію военного времени поѣздъ отъ Тифлиса до Эривани идетъ медленно, почти полторы сутокъ. Весь день до Александрополя ѣдемъ по крутымъ подъемамъ между снѣжными полями. А горы, чуть повыше, сплошь укрыты снѣгомъ. Около Калтахчи мы уже на высотѣ 833 сажень. За Джаджуромъ пониженіе. Но и долина Аракса подъ снѣгомъ. Зима въ этомъ году ранняя и сурова. Въ Эривани насъ встрѣтили снѣга и пронизывающіе холодные туманы.

Дома, улицы, лавки, базары, толпа, уличные псы— все въ Эривани напоминаетъ умирающій сирійскій востокъ. Городокъ грязенъ и тихъ.

Въ одномъ изъ военныхъ лазаретовъ помѣщаются плѣнные больные арабы. Знаніе языка позволило мнѣ вести съ ними непосредственную бесѣду. Они обрадо-

вались, что впервые за все время плѣна могутъ полными словами высказать свою благодарность за то, что живы, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, одѣты и сыты. Что ихъ, умирающихъ отъ холода, не подавили, какъ мухъ, не добили прикладами, а дали имъ жизнь, и они снова увидятъ когда-нибудь родину.

Вотъ что они рассказали, собравшись около меня тѣсной толпой, перебивая другъ друга, со слезами вспоминая о страданіяхъ. Всѣ они изъ состава 110 полка, запасные изъ города Багдада и его окрестностей. Призвали ихъ на службу 21 іюля. Багдадскіе старшины и сами солдаты заявили тогда турецкому начальству, что не пойдутъ за предѣлы арабскихъ странъ. Имъ говорили: „Мы поведемъ васъ только до Мосула, тамъ будутъ маневры“... Но изъ Мосула полки пошли дальше. Арабы стали по ночамъ разбѣгаться. Ихъ пристрѣливали, а оставшихся уговаривали, что поведутъ недалеко. И такъ, мало-по-малу, ихъ уводили дальше на сѣверъ. Шли они четыре мѣсяца. Путь былъ слѣдующій: Мосуль, Хой, Битлисъ, Мунгъ, Каракилисса.

„Наконецъ, привели насъ въ такую страну, какой мы не видали никогда: горы, снѣга. А мы и не знали, какой на землѣ снѣгъ, не видали никогда въ жизни. Одежды намъ не дали, обуви нѣтъ, ѣсть было нечего. Мы умирали отъ холода и голода. Застынуть ноги, схватить холодъ поперекъ тѣла—и смерть“.

„Вотъ ночью стояли мы на перевалѣ Дутахъ. Снѣгъ и морозъ. Мы не могли ходить, умирали люди. Живые ползали по горѣ, сползли внизъ въ пустое село, развели огонь, грѣлись, ноги у насъ были отморожены и пальцы стучали, какъ камни. Тутъ ударили въ дверь.

Это были русскіе солдаты, да дасть имъ Аллахъ долгую жизнь и здоровье! Мы отдали оружіе, и они насъ повели... Потомъ посадили на фуръи. Въ больницѣ перевязали наши раны, дали пищу и лѣкарство. О, пусть будетъ проклято правительство, которое обманомъ увело насъ изъ родной страны и привело бесполезно умирать въ этихъ снѣгахъ. Брали у насъ всѣхъ, кто могъ носить оружіе. У меня—четыре брата, у него—три, у того—пять братьевъ, всѣ на войнѣ. Брали старыхъ и молодыхъ, никого дома не оставили, однѣхъ женщинъ“.

Говорю:—Но вотъ вы не старые, а всѣ молодые?

„Старики всѣ перемерзли, мой господинъ!—восклицаютъ со всѣхъ сторонъ,—умерли отъ голода и дальней дороги! Развѣ можно вынести такія мученія?! По дорогѣ лежатъ мертвецы, ихъ ѣдятъ шакалы... Абдуль-Гамидъ народъ немного жалѣлъ, онъ не разорялъ семей, не бралъ подрядъ всѣхъ мужчинъ и не посылалъ арабовъ въ снѣга. А теперь правительство не жалѣетъ народа, и мы не знаемъ, за что мучаемся?! Чтобы Алманія проводила къ намъ желѣзныя дороги и указывала намъ свои распорядки?! Мы будемъ разорять дороги и убивать алманцевъ“.

Арабы ходятъ съ забинтованными ногами и руками. Показываютъ безобразныя отъ опухоли, но маленькія, почти женскія ноги. Просили спросить, куда ихъ отправятъ послѣ выздоровленія?

— Васъ отправятъ въ средину Россіи, — сказалъ имъ врачъ.

Они опечалились. Значитъ, тамъ будетъ еще холоднѣе, а они ужъ и здѣшнихъ холодовъ испугались. Наивно молились:

„О, Аллахъ! Хотѣ бы скорѣе русскіе взяли Эрзерумъ! Тогда кончится война, и насъ отпустятъ домой. Мы не хотимъ войны, не знаемъ, за что воюемъ, за что мучаемся“.

Обѣдали они—русскіе щи, гречневая каша. Слабымъ дали по котлеткѣ. Накрошили во щи хлѣбъ тюрей.

Спрашиваю: привыкли ли къ нашей пицѣ?

— Очень вкусно! Да увеличить Богъ ваше добро.

Въ сосѣдней палатѣ—русскіе солдаты, больные и раненые, тѣ самые, которые брали въ плѣнъ арабовъ. Они рассказываютъ, какъ шли по слѣдамъ отступавшаго на перевалъ непріятели: вдоль дороги по обѣ стороны лежали запорошенные снѣгомъ трупы. Очевидно, люди падали на пути и замерзали безотвѣтно, какъ скотъ. Ночью пробирались къ этимъ трупамъ со своихъ позицій турецкіе солдаты и снимали одежду, какая была, оставляя только рубашку. Арабовъ взяли въ деревнѣ подъ утро 14 ноября. Они не могли ходить и сдались безъ сопротивленія. Но изъ нѣкоторыхъ домовъ былъ открытъ ружейный огонь. Такіе дома взяли штурмомъ, и, кто былъ тамъ, всѣхъ перекололи. Разсказчику попала пуля между скулой и носомъ, вышла за ухомъ на шею. Жить не рассчитывалъ, потому что потерялъ много крови. А теперь поправляется, еще, можетъ, и поживетъ! Для доказательства своей жизнеспособности пошевелилъ блѣдными пальцами.

Встрѣчаясь въ корридорахъ лазарета, плѣннвшіе и плѣнники привѣтливо улыбаются другъ другу. И даже какъ-то разговариваютъ. Когда приходитъ врачъ или сестра, русскіе солдаты становятся переводчиками:

— Онъ, ваше благородіе, вонъ что говоритъ!..

Въ томъ же госпиталѣ десятка полтора курдовъ.

Они рослые, стройные, провожают нашъ проходъ большими, недоумѣвающими телячьими глазами. Держатся особнякомъ. Въ углу два старыхъ курдскихъ пастуха жуютъ запавшими ртами кашу.

На улицѣ падалъ снѣгъ. Зябко сгорбившись, бѣгали по базарамъ, кряхтя отъ холода, армяне и татары.

